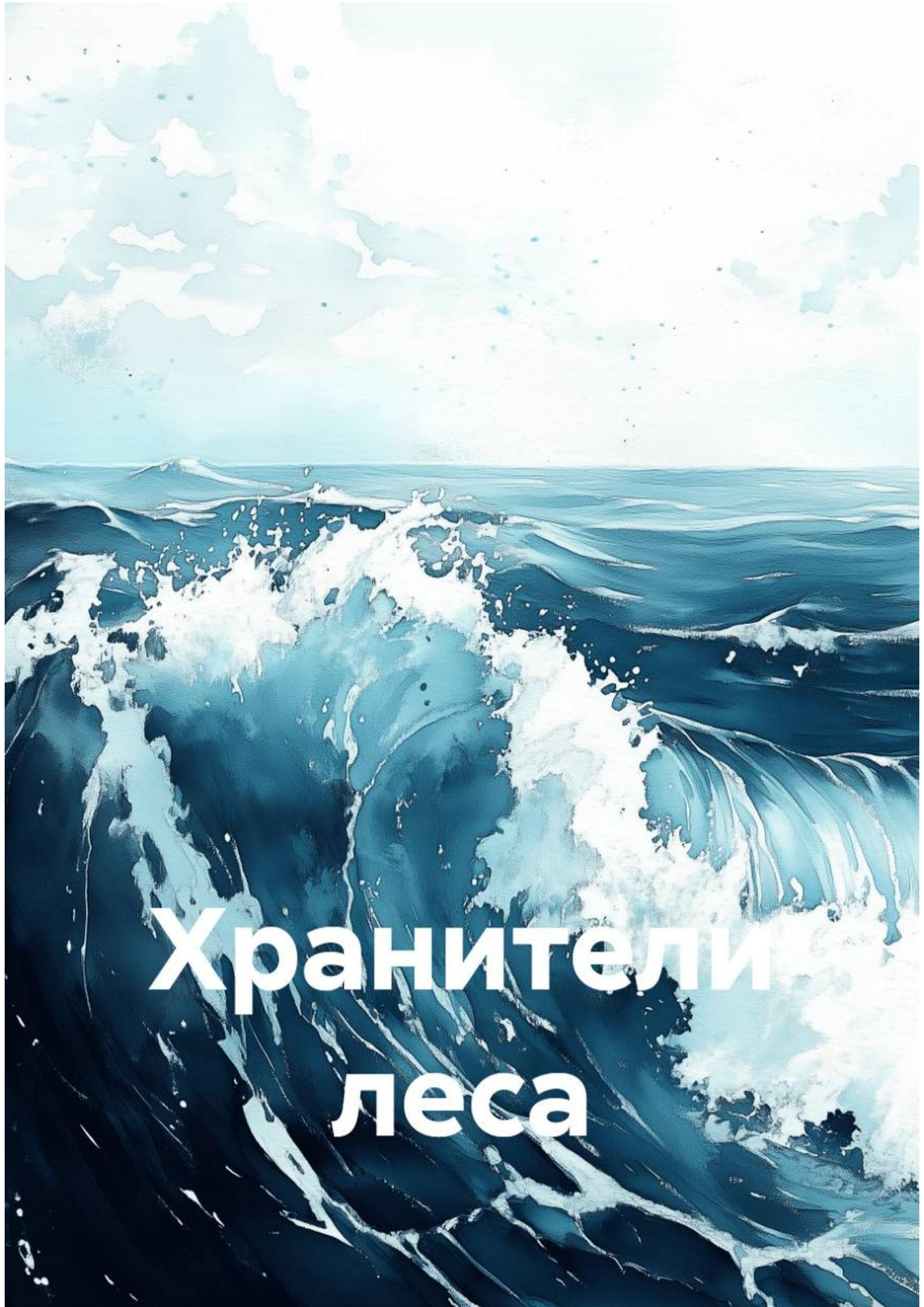

Хранители леса

Алексей Дектерёв

Хранители леса

«Автор»

2026

Дектерёв А. Ю.

Хранители леса / А. Ю. Дектерёв — «Автор», 2026

Повесть-сказка в трёх частях о хранителях леса — духах, что берегут чащу от человека и его беспамятства. Экофэнтези с фольклорным дыханием: у леса есть память, голос и защитники. Для тех, кто верит, что деревья слышат. Атмосферно и совсем не по-детски.

© Дектерёв А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Хранители леса 1 часть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Дектерёв

Хранители леса

Хранители леса

Проза

Алексей Дектерёв

Хранители леса 1 часть

Орифиэль удобно расположился на повальном древе у мерцающего костра, устремив задумчивый взор на котелок, что висел над пламенем. В котелке снежные кристаллы медленно превращались в кристально чистую воду. Старый маг предпочитал пить воду, добытую способом, каким пользуются простые смертные; она казалась ему вкуснее и приносила большую пользу для духа и тела. Весенний лёд зачарованного леса, прозрачный как драгоценный кристалл, сковавший собой листья редкой драконьей травы, таял в котелке, и вода уже начинала тихо закипать, поднимая лёгкий пар к звёздному небу.

На толстом суку у дерева напротив сидела его верная сова Мeneвра, зорко следившая за каждым движением хозяина. Её занимал один вопрос: оставит ли он в котелке лишь талую воду или добавит немного рыбы в кипящий бульон. Но надежды было мало, так как до полуденной трапезы оставалось ещё много времени. Сова глухо угукала каждый раз, когда волшебник помешивал воду.

«Почему бы ему не сварить рыбную похлёбку или хотя бы кашу?» — думала она.

От похлёбки ей обычно доставались рыбы головы и хвосты, а кашу совы не едят.

— Что же ты смотришь на меня столь пристально и задумчиво? — говорил Орифиэль, обращаясь к своей пернатой спутнице. — О, глупый ты филин и не более того... Понимаешь ли: глупый. Мысли твои лишь о пище, неужто не ведаешь, что не время ещё обедать?

Мeneвра молча прикрыла один глаз, словно соглашаясь и в то же время упрямясь. Это была настоящая неясность из древних лесов, большая и сильная, с кисточками на ушах, острым, как лезвие, клювом и большими тёмными глазами, полными мудрости и хитрости. Оперение её было необычно: чёрное, как безлунная ночь, с ярко-зелёными пятнами, будто перья её были усыпаны изумрудами. Орифиэль любил беседовать с совой и часто наставлял её, как отец наставляет нерадивого ребёнка.

— А кто спугнул детёныша грифона, что жил в чаще под Луносветной горой? Думаешь, никто не знает о твоём проступке... А перья-то остались. Что скажешь на это? Если бы грифона схватила болотная гидра, она утащила бы его в своё зловонное логово вместе со всеми перьями, но твоё плутовство выдало тебя, — волшебник тихо помешивал травы в кипящей воде тонкой тростинкой, не глядя на сову. — А кто ловит молодых зайчат на окрестных полях? Нечего тебе жмуриться... Известно твоё ремесло. Не понимаешь ли, что если бы зайчонка поймал клыкастик, он проглотил бы его вместе с шерстью; если бы волкохват или Барадрум — унесли бы в свои тёмные норы. А после тебя заячья шерсть повсюду остаётся... Так вот, любишь ты проказничать, а следы замести не умеешь.

Мeneвра выслушивала упрёки и наставления с видом невинным, склонив голову на бок. Волшебник знал о каждом её новом проступке по её довольному виду и блеску в глазах.

Стыд овладевал ею, хотя была она лишь неразумным филином; хватая полёвку, не утруждала себя скрыть от чужих глаз следы преступления, не проявляя ни хитрости, ни осторожности.

Орифиэль был невысокий ростом, но крепкий, сгорбленный старец с пышной бородой, глазами, слезящимися от долгих ветров, и носом, красным от холода и времени. Облачался он обычно в длинную, выцветшую тунику, опоясанную живой виноградной лозой с листьями, что обвивала его старческий торс, связывая с землёй и её тайнами. На ногах его были сапоги, сработанные из щетины дракона, а на голове — широкополая шляпа с острым коническим верхом, под тенью которой скрывался пронизывающий взгляд.

Простые люди из деревни звали его Орифиэлем, а в мире магии он носил иное имя, которое не следовало ни произносить, ни записывать, оно было сокрыто в древних летописях. Сколько лет было Орифиэлю — никто не знал, так как время словно обходило его стороной.

Обитал он под Луносветной горой, напротив великого озера, воды которого таили в себе множество тайн, о которых слагали легенды. Он стерёг богатое волшебное озеро, охранял дикий лес и оберегал мистических созданий, что населяли эти земли с незапамятных времён.

В лесу и на горных озёрах было тихо, но рядом кипела работа. В горах гномы добывали мифриловую руду и на баржах, движимых одним лишь волшебством, спускали её по рекам долины к кузницам искусных мастеров. Орифиэль должен был следить и за баржами, чтобы путь их был безопасен от невидимых опасностей, подстерегающих в глубинах лесов и вод. Ещё одной обязанностью Орифиэля был огромный сигнальный костёр на самой высокой скале; он должен был зажечь его, когда загорался такой же на востоке. Эти сигнальные костры были построены на всех высоких вершинах гор и служили оповещением об опасностях.

Пять сотен лет минуло с тех пор, как он поселился под Луносветной горой, и за все эти века он едва изменился. В его длинных спутанных волосах, несмотря на прошедшие столетия, не было ни единого серебряного волоска, хотя говорили, что ему уже девять сотен лет. В те давние времена земли эти принадлежали королевской династии, а волшебное озеро было даровано местным людям, промысляющим рыбной ловлей. Люди были бедны и просты, но сердцем чисты. Орифиэль должен был получать за свою службу жалованье и из королевской казны, и от рыбаков, но никто ему ничего не платил: придворные его величества полагали, что волшебнику платят люди провинции, а люди думали, что он получает жалованье из казны. Однако торговцы всё же привозили ему зимой хлеб и необходимые вещи, а он жил тем, что плёл из прутьев ивы корзины и коробья, которые охотно приобретали знахари и собиратели трав. Но Орифиэль помнил о своём недополученном жаловании и на особой дубовой доске, служившей ему книгой счёта, делал насечки: возьмёт доску и тотчас скажет, кто и сколько ему должен.

— А ну-ка, мудрец, подсчитай, — шутили торговцы, когда приезжали зимою на горное озеро за рыбой. — Возьми-ка свою деревянную книгу...

Старый волшебник брал дубовую доску и, взирая на сделанные насечки, высчитывал, что ему надлежит получить жалованье за триста пять лет службы. Это составляло немалую сумму: по древнему договору ему обязаны были платить двадцать золотых в год, а за триста пять лет набиралось свыше пяти тысяч золотом.

— Пора бы уже взыскать должное... — говорил Орифиэль, почесывая свою густую бороду, в которой находили приют маленькие лесные птицы.

— Куда тебе, мудрец, столько золота в лесной глуши? Ещё разбойники прознают. Пусть пока лежат у нас, надёжнее будет... — говорили алчные люди, усмехаясь втихомолку.

Орифиэль не вступал в споры, так как золото ему в самом деле было не нужно. Разбойников он не опасался, ведь был он могущественным магом. Да и золото мог извлечь из каждого горного ручья на склонах Луносветной горы.

Его доверчивость и простота забавляли хитрых торговцев, которые полагали, что старик — простак, из ума выживший. Но жители деревни в долине думали иначе о мудром старце. По их мнению, он был не простым человеком, а тем, кто лишь притворялся простоватым. Они приходили к нему за советом, когда кто-нибудь был болен или случалась беда.

— Помоги нам, мудрый Орифиэль... — просили его в низком поклоне. — Ты ведь всё ведаешь, каждую травинку знаешь, которая от какой хвори спасает...

Старый волшебник редко отвечал словами на эти просьбы, но шёл в свою хижину, что-то долго искал возле очага и выносил редкую целебную траву. У Орифиэля от всякой напасти была своя трава. Так он многим помогал, и слава о нём разносилась далеко за пределы долины. Денег за исцеление волшебник не брал, а радовался, когда ему приносили какую-нибудь домашнюю снедь. Так как умел варить лишь кашу да рыбную похлёбку — тем и питался. Мяса Орифиэль не ел вовсе и позабыл даже, какой оно имеет вкус.

— А для чего мне его есть? — удивлялся он. — Нехорошо это... Все ваши недуги — от мяса.

Орифиэль обитал у тисовой рощи, на краю волшебного леса, в скромной хижине. Хижина волшебника была невелика, но однажды зимою вместила в себя двадцать гномов — заблудших в лесных чащобах, которых волшебник спас от лютой гибели. Неподальёку от хижины стояли два амбара, где хранились неводы и иные рыболовные снасти, необходимые для жизни близ озера. Из окон его обители открывался чудный вид на загадочное озеро и синевшие за ним горы, низкие, но величественные в своей древности. Озеро простиралось на многие десятки миль и, будучи горным, отличалось глубиной, которую так никто и не отважился измерить.

На дворе было самое начало весны; снег на озере весь сошёл, и мерцающий лёд местами потрескался, обнажив первые полыньи. В горах же снег ещё не помышлял таять, и если случались тёплые дни, когда солнце растапливало верхний слой снежного покрова, то ночью он покрывался тонкой ледяной коркой, отражавшей сияние звёзд, которыми изобиловали морозные весенние ночи.

В такое светлое сумрачное утро сидел у огня старый Орифиэль. В воздухе витало предчувствие весны, хотя вокруг всё ещё лежал белый покров зимы. Старик-волшебник ежегодно встречал весну как дорогой праздник и радовался возможности вновь узреть ясное красное солнце, зелёные травы, драконий подснежник и разных перелётных птиц. О, сколько чудес ожидало на озере и в горах в пору весеннего пробуждения...

— Скоро, Мeneverа, перелётные птицы полетят, — говорил Орифиэль, снимая котелок с огня. — Будет нам с тобой праздник. Ты, хоть и бессовестна порой, а тоже чувствуешь приближение весны... Вот мы с тобой гнездовья наладим...

Орифиэль любил думать вслух и беседовал с совой, как с давним другом. Так как трудно молчать долгие месяцы, пребывая в одиночестве. Мeneverа всегда садилась напротив него и терпеливо внимала его речам.

— Да, устроим гнездовья, Мeneverа, пора уж... Налетят сереброкрылы, будут вить гнёзда, птенцов выводить...

Вдруг сова, слушавшая его внимательно, насторожилась и обратила свой взор к горе. Орифиэль тоже замер на полуслове. Где-то вдалеке раздался гулкий мушкетный выстрел, и громкое эхо покатилося по горам, нарушая тишину леса.

— О, чамтарам! Кто дерзнул нарушить покой леса выстрелом? Слыхала ли ты это, Мeneverа?

Ветер принёс смутные вести, и сова испустила глухой, предостерегающий крик — её острые чувства уловили отзвук далёкого выстрела, недоступного простому уху смертного. Орифиэль вернулся в свою скромную хижину, накинул дорожный плащ с широкими полами, взял свой тисовый посох, источающий древнюю силу, и промолвил:

— Что ж, Мeneverа, отправимся на поиски... Кто-то тревожит наш лес в этот час. Нашли время... Кого ныне можно преследовать в зачарованных чащах? Совести у них нет... Ох ты, чамтарапам...

Наблюдая за поведением своей верной спутницы, Орифиэль понял, что выстрел донёсся со стороны Луносветной Горы, где по краям извилистой тропы простирались густые заросли чертополоха, таящие множество тайн и опасностей. Он покачал головой, погружённый в тревожные раздумья.

— Не иначе как Мракар вновь палит? — обратился он к сове.

Мeneverа утвердительно ухнула; она могла различать звуки выстрелов из разных мушкетов, и именно этот звук был ей знаком.

— Так и есть... — бормотал старец, тяжело ступая по заснеженной тропе. — Ах, негодник! Это он единорожку по насту гнал... Вот она уже измучилась, бедная, петли выписывает... А ножки кровоточат... Больно ей...

Меневра, словно тень, устремилась вперёд, бесшумно опустилась у взрытого снега и тихо ухнула. Снег был истоптан и залит пятнами густой синей крови, сверкающей в лучах солнца. Несчастная единорожка была, по всей видимости, убита здесь, и Мракар разделал её прямо на месте. От картечи не было бы столько крови. «Видать, подранил её из мушкета, а тут настиг её, бедную, злодей...» — подумал Орифиэль с горечью.

Пещера злого чародея скрывалась в глубине ельника, что плотной стеной обступал мыс озера, будто охраняя его тайны от посторонних глаз. Неподдалёку раскинулось Сапфировое озеро, названное так не случайно: по его заводям и излучинам тянулись широкие полосы болотистых зарослей, сияющих в ночи сапфировыми огоньками, создавая волшебное свечение. Сапфировое озеро было просторнее и чище, хотя в Таинственном, благодаря густым зарослям, рыбы водилось куда больше. В этих зарослях скрывалась рыба молодь, пока не вырастала в великую рыбу, достойную стола королей.

Ещё издали было заметно, как над ельником, окружающим пещеру Мракара живой зелёной стеной, поднимается тонкая синяя струйка дыма.

— Чамтарапампамрам... — ворчал Орифиэль, с трудом продвигаясь через снег. — Единорожку погубил и очаг затопил. Ни жалости, ни совести, лишь бы брюхо своё набить.

Меневра устремилась вперёд, предвкушая обильную добычу.

Чёрный маг Мракар, рослый старец с седой короткой бородой, сидел перед своей пещерой на корточках и свеживал только что добытую дичь, от которой ещё поднимался пар.

— Ну тебя, Меневра... — проворчал он на сову, бесшумно кружившую над ним. — С чем пожаловала, глупая?

Появление Меневры не обрадовало Мракара, и он с тревогой взглянул на ельник за пещерой. «Верно, сейчас и Орифиэль явится... Учужал, колдун! Вот навязался старый — и покоя не даст». И действительно, спустя некоторое время из-за ельника показался белый конус колпака широкополой шляпы.

— Вот кого болотный дракон принёс... — проворчал Мракар, поднимаясь, и громко добавил: — Приветствую тебя, сосед!

— И тебе доброго дня, Мракар, — произнёс Орифиэль, подходя ближе.

Мракар был такой же хранитель сигнального костра, который располагался западнее, чем тот, за которым следил его сосед.

Чёрный маг был облачён в тёмный кожаный плащ, что падал тяжёлыми складками до самой земли. На ногах у него были высокие сапоги с загнутыми носами, напоминающие обувь далёких восточных земель. Пояс он не носил. Рядом в снегу покоились охотничьи лыжи, обитые мехом редкого зверя, чей мех, говорят, светится в ночи.

Незванный гость приблизился к бездыханному телу телёнка единорожки, осторожно коснулся её рукой и, покачав головой, тихо произнёс:

— Пролилась невинная кровь... Великое зло свершилось в этих местах.

Мракар молчал, почесывая затылок и избегая взгляда старого мага. «Ну вот, теперь начнёт душу из меня вытягивать», — думал он с досадой.

— Что это за беда приключилась? — спросил Орифиэль, вновь касаясь рукой холодного бока животного.

— Как что? Разве не видишь? Единорожка лежит, — ответил Мракар, стараясь говорить безразлично.

— А кто же погубил её?

— А ты думаешь, это моя работа? — быстро возразил Мракар. — Я тут, понимаешь, с утра хворост собираю возле дома, как вдруг под Горой Вечного Ветра раздаётся выстрел. Ну, я туда... Бегу изо всех сил, аж дыхание перехватило, и вижу — тёмная фигура в гору скрывается. Он, видать, меня заметил, испугался и убежал. А единорожка вот лежит, убитая. Я её и забрал... Чего добру пропадать зря? Вот и вся история.

— Ах, Мракар, Мракар... И единорожку погубил, и меня обмануть пытаешься, — с печалью произнёс Орифиэль.

— Да чтобы мне сейчас провалиться, Орифиэль! — воскликнул Мракар, подняв руки к небу. — И не помышлял я её убивать... На что она мне? Эка невидаль, единорожка... Хвала звёздам, достаточно я их в лесу повидал. Хоть отбавляй...

— Значит, ты видел крестьянина, который её застрелил?

— Своими глазами видел, вот чтобы мне провалиться! — уверял Мракар. — Как только заметил меня, так сразу в гору бросился.

И, желая показать, как всё произошло, огромный чёрный маг сделал шаг влево и внезапно с криком исчез под снегом.

Это была его собственная ловушка, и он провалился в неё совершенно случайно.

Орифиэль протянул ему свой тисовый посох и помог выбраться из ямы.

— Вот ты и провалился. Так-так... А почему же следов после него не осталось, Мракар? — тихо спросил он. — Я всё это время шёл по твоему следу, и он привёл меня прямо к твоей пещере. Ты обманываешь меня, но следы говорят правду... И хворост ты не собираешь никогда — ты топишь углём, тебе его гномы приносят.

Эти замечания, да ещё и неловкое падение, привели Мракара в ярость, и он лишь издал глухой рык, подобный звериному.

— Ну же, говори, — не унимался Орифиэль. — Продолжай плести свои небылицы... Только что выдумывал историю, так добавь ещё немного... Ах ты, лжец старый!

— Да что ты ко мне привязался со своими следами?! — взорвался Мракар. — Открой глаза и посмотри хорошенько!

— Так-так... Не человек от тебя убежал, а совесть твоя, — спокойно ответил Орифиэль. — Вот и следов не осталось. Верно я говорю...

Мракар вдруг сорвал с головы колпак с широкими полями и, оголив свою лысую голову, сердито бросил его на землю. Затем молча присел к туше единорожки и принялся завершать своё мрачное дело. Мeneвpa загадочно ухнула, предчувствуя лакомство. Орифиэль наблюдал за ними и покачивал головой.

— Мракар...

Мракар упорно молчал.

— Мракар...

— Отстань от меня, назойливый ты старик! — огрызнулся он.

— Вот смотрю я на вас обоих, Мракар, — на тебя и на Мeneвpy, — и вижу: два сапога — пара.

— Ты меня с филином сравниваешь? — недовольно пробормотал маг.

— А если у вас одно ремесло? — продолжал Орифиэль. — Гляди, как сыч радуется... И ты тоже доволен. Только сова — тварь неразумная, а ты должен понимать. Ну, убил единорожку, съешь её за неделю, а потом что? Снова убивать пойдёшь... Бегала бы она по лесу, радовалась солнцу, а теперь лишь рог да копытца останутся. Хорошо ли это?.. А у неё мама есть — ищет сейчас свою дочку, бедняга!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.